

Помолчав, он продолжил:

— Мою маму продали в горную деревню, а когда я был маленьким, она сбежала. Отец — человек непутевый, курит, пьёт, но совесть всё же имел — в школу меня отправил. Хотя денег на учёбу у него не было, всё в долг у соседей брал, до сих пор не отдал. Если разобраться, то я вырос на подножном корму, благодаря деревенским. Они мне и стали родителями.

Цинь Чаншэн кивнула.

Рябой Ван спросил:

— А к чему ты об этом спросила?

— Да так, просто родителей вспомнила, — ответила Цинь Чаншэн.

— А твои-то живы? — не унимался он. — На городскую ты смахиваешь, не из тех, кому довелось хлебнуть лиха. Разве они за тебя не беспокоятся, коли ты так надолго отлучилась?

Цинь Чаншэн сняла с лба ватный тампон, испачканный землёй и запёкшейся кровью, бросила его на стол и взяла новый:

— Не слишком они обо мне тревожатся.

Что ж, таков её удел.

Родители выплакались, но в конце концов смирились. Цинь Чаншэн вспомнила, как они провожали её у порога. Брат приехал, чтобы отвезти её на гору Цзи — туда, где она, Призрачный Глаз семьи Цинь, должна была исполнить свою миссию.

Мать выглядела молодо, ведь семья Цинь никогда не знала нужды, и годы не властны над осанкой, возвращённой деньгами.

Её родители некогда были её гордостью: мать — красивая, всей душой преданная семье, отец — суровый на вид, но неизменно о ней заботливый.

Но в тот день мать казалась необычайно старой. Она улыбалась, мягко наказывая Цинь Чаншэн тепло одеваться и беречь себя.

Отец же сказал ей:

— Чаншэн, ты — наша гордость.

Они знали, что Цинь Чаншэн шаг за шагом приближается к неминуемой гибели.

Но изменить ничего не могли, не имели сил уберечь дочь. Им оставалось лишь делать вид, будто ничего не происходит, разговаривать с ней как обычно, заботиться о ней.

Перед самым уходом Цинь Чаншэн изо всех сил улыбнулась родителям и сказала нарочито легко:

— Если я умру, считайте, что у вас никогда не было такой дочери.

Не печальтесь. Будто меня и не было.

Забудьте.

Не услышав ответа, Рябой Ван обернулся. Цинь Чаншэн подняла голову. Новый тампон в её руке был уже чист. Она взяла свежий, улыбнулась ему и сказала:

— Знаешь, у меня есть тётя, которую я в глаза не видала. Родная сестра моего деда.

При свете лампы её голос звучал совершенно спокойно.

— Моя тётя умерла ещё до моего рождения.

Рябой Ван, черпавший в это время воду, почувствовал, как по спине у него пробежали мурашки. Он обернулся и буркнул:

— И с чего это ты среди ночи про такое вспомнила?

Цинь Чаншэн усмехнулась:

— Сошло с ума, наверное. Просто захотелось поговорить. Считай, что я в пустоту болтаю, не обращай внимания.

Рябой Ван фыркнул и вернулся к печи. Цинь Чаншэн сидела за столом, глядя на брошенные на пол тампоны, и тихо продолжила:

— Мой отец видел мою тётю, когда сам был маленьким. Говорил, она была очень красивой.

Рябой Ван покосился на неё, никак не мог взять в толк, к чему она клонит. Ну красивая, ну умерла — какая разница? О какой никогда не виданной тётке речь?

Цинь Чаншэн, не глядя на него, продолжала:

— Мою тётю звали Цинь Чаншэн. Она была единственной сестрой моего деда, и он её очень любил. Говорят, она росла в холе да неге, ни разу в жизни не хлебнула лиха, не узнала горя.

Рябой Ван хотел что-то сказать, но слова застряли. Цинь Чаншэн... Имя будто знакомое.

И тут он сообразил: девушка, сидящая перед ним, ведь тоже Цинь Чаншэн. Хотя он прямо не спрашивал, Цзян Чжунсюэ как-то обмолвилась.

Рябой Ван смутился и, продолжая черпать воду, спросил:

— Слушай, девочка, ты ведь тоже Цинь Чаншэн, да? Неужто у вас в семье все с приветом? Называть младшую дочь в честь старшей родни?

Цинь Чаншэн устало помотала головой:

— Это не совпадение. Это имя в нашей семье передаётся. Вроде пароля. Или договора.

У Рябого Вана ёкнуло сердце. Он медленно повернулся, и в голосе его прозвучали лёгкая злость и недоумение:

— Стой! Не надо мне про ваши тайные общества! Кто много знает, тот долго не живёт! Замолчи!

Цинь Чаншэн рассмеялась. Рябой Ван, видя её смех, рассердился и, потрясая ковшом, сказал:

— В кино так всегда! Ты что, меня в историю втянуть хочешь?!

Цинь Чаншэн не сдержала улыбки, и тяжёлое настроение развеялось. Рябой Ван, видя, что она смеётся, и сам остыл, лишь пробурчал:

— Не хочу я в эти ваши дела впутываться! В следующем месяце свадьба, скоро своя семья будет — не время косячить! Воды тебе нагрел, а не для того, чтобы на свою голову неприятности накликасть!

Цинь Чаншэн поспешно замахала руками:

— Не волнуйся, не втяну! Я же сказала — просто поговорить охота.

Рябой Ван, увидев, что вода закипела, снял котелок с огня и проворчал:

— Не интересны мне ваши дела. Соскучилась — иди к своей напарнице поболтай! Вы же вместе, неужто и впрямь так одиноко, что не с кем слова молвить?

Цинь Чаншэн не нашла, что ответить. Вспомнив ледяное лицо Цзян Чжунсюэ, она почувствовала, будто из неё вылетел весь воздух, и говорить больше не хотелось. Она лишь покачала головой:

— Нет, мы с ней не напарницы. Скоро разойдёмся.

Рябой Ван цокнул языком:

— Значит, не ладите? И что случилось-то?

Цинь Чаншэн пожала плечами, приклеив пластырь на ссадину на лбу. Запрятала волосы за уши и снова покачала головой:

— Мы просто разные. Идём разными дорогами.

Рябой Ван разочарованно хмыкнул.

Цинь Чаншэн взяла кувшин и направилась во двор. Там был открытый каменный помост, где Рябой Ван обычно мылся, не церемонясь: зачёрпнул горной воды — и обливайся. Цинь Чаншэн, следуя обычаям, лишь настояла на тёплой воде.

Рябой Ван передал ей вещи. Цинь Чаншэн, взяв выданную им одежду, прошла за занавеску и начала раздеваться.

Рябой Ван собрался было прилечь, но ворочался с боку на бок — сон не шёл. Не давала покоя мысль об этой девчонке, что скитается вдали от дома одна, без весточки от родных. Выбежала ночью куда-то, вернулась вся перемазанная — на душе от этого скребло.

Двор был открытый, а позади — пригорок. Кто сверху пройдёт — всё как на ладони. Самому Рябому Вану было всё равно, но девушке как-то негоже на виду у всех мыться. Он встал, обошёл вокруг и встал на тропинке за пригорком, за занавеской.

Он старался не смотреть, но на таком расстоянии плеск воды был слышен отчётливо. Горный ветерок был прохладным, и, остудившись, Рябой Ван вдруг осознал неловкость: стоит тут,

молодую девушку караулит, пока та моется... От этой мысли он покраснел.

В этот момент ветер усилился, и температура на пригорке будто резко упала. Рябой Ван вздрогнул, и по телу побежали мурашки.

Он огляделся и, подняв голову, увидел на дереве на склоне чёрную фигуру.

Во тьме глаза Цзян Чжунсюэ светились холодным зелёным светом, словно у волка в снежной пустыне. Она смотрела на него, будто готовая в любой миг кинуться и разорвать в клочья.

Рябой Ван от страха подкосились ноги. Он хлопнул себя по груди и шёпотом выкрикнул:

— Батюшки светы! Да ты хоть бы пошумела как-нибудь! До инфаркта доведёшь!

<http://bllate.org/book/16269/1464306>